

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ЕВРАЗИЯ, РОССИЯ, СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

С. А. АРУТЮНОВ,

**доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом Кавказа
Института этнологии и антропологии, РАН г. Москва**

Пространство Евразии возможно определить на нескольких уровнях и в разных смыслах. Первый и первичный – это суперконтинент, охватывающий всю материковую массу Европы и Азии. Граница Европы и Азии условна, как, впрочем, и граница всех полуостровов Азии – Индостана, Индокитая и др. Но в любом случае перед нами предстает некий, слабо расчлененный, континентальный массив, отороченный выступами крупных полуостровов. С Крайнего Севера по часовой стрелке следуют полуострова с прилегающими островами:

Таймырский, Чукотско-Камчатский, Корейский, «Восточно-Китайский выступ», Индокитайский, Индостанский, Аравийский, Малая Азия, Западно-Европейский и Финно-Скандинавский. Каждый из них представляет собой условно равноценную особость как в физико-географическом, так и в историко-культурном плане, и хотя они не равновелики по площади и не равноранговы по шкале историко-культурной таксономии (причем, уровень таксонов в разные эпохи, безусловно, сильно различается), тем не менее, не

приходится сомневаться, что каждый такой полуостров всегда представлял и представляет некую достаточно определенную ИКО, хотя и несколько разного порядка. При таком подходе Европа просто не существует или складывается из Западной Европы и Финно-Скандинавии как их механическая сумма. Реально же в глобально-историческом плане, конечно, историко-культурное значение Западно-Европейского и Чукотско-Камчатского полуостровов просто несопоставимо.

Второе понимание Евразии – это понимание ее как некоего Хартлэнда, т.е. земель сердцевины, которая питает и побуждает к отращиванию все упомянутые полуострова Римлэнда (земель края) – приморской оторочки, окружающей удаленную от моря континентальную массу*.

И третье – наиболее узкое и наиболее широко распространенное понимание Евразии – это ее понимание в рамках концепции «евразийцев» XX века – Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и др. С этой точки зрения Евразия практически приравнивалась к территории Российской империи и ближайших сфер ее экономического, культурного и политического влияния в эпоху ее наибольшей протяженности – рубежа XIX-XX вв.

Наибольшее значение в оформлении этой концепции придавалось ее авторами духовно-конфессиональным

* Хальфорд Маккиндер (1861-1947) в своей работе «Демократические идеалы и реальность» (Mackinder HJ. Democratic Ideals and Reality L., 1919) выделил «осевой регион» Евразии, названный им Хартлэндом, включив в него Россию, Центральную и Восточную Европу, Тибет. Это понятие активно использует Збигнев Бжезинский в книге «Вне контроля» (Brzezinski Zb. Out of control. N.Y., 1993), где понятию «осевой регион» противопоставлено понятие «окраинные земли» евразийского пояса, Римлэнд.

основам бытия, и, прежде всего, русскому православию. В этом, несомненно, был определенный резон, к чему мы еще должны будем вернуться в рамках этой публикации. Но мы оставим за этими рамками мистико-мифологическое расширение евразийской идеи, представленное сегодня более всего в творчестве А.Г. Дугина [1,108-133]. Достаточно процитировать заключительную часть его самого новейшего труда, доклада на конференцию по евразийскости, организованную Ханьянским университетом в Сеуле в июне сего года, а именно, «Евразийство – это смена современной парадигмы на михаэлическую парадигму духа и вечности, евразийская глоссология народов, культур и традиций – это шелест ангельских крыл», чтобы понять, что здесь нам следует сосредоточиться на более приближенной к прагматическому, историко-материалистическому пониманию концепции евразийскости и связанных с нею проблем.

Серия трудов (статей и докладов), созданных в ходе общеакадемического проекта «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», по-разному определяет это понимание [2,405-417].

Среди этих разнородных работ обращают на себя внимание две статьи – А.В. Головнева и Н.Г. Очировой, в которых содержится попытка придать евразийскому и, прежде всего, собственно российскому пространству соответственно северное и южное измерения. В статье А.В. Головнева вопрос северного измерения ставится на глубинном мировоззренческом уровне. Автор противопоставляет глубоко интериоризированную северную идентичность скандинавов многополюсной идентичности русских и говорит о намечающемся усилении северного направления этой многополюсности.

Финно-Скандия – север уникальный, омытый Гольфстримом, безледный, мягкий, богатый ресурсами. Но и при этом его обитатели всегда завистливо глядели на юг, путь из варяг в греки был преимущественно односторонним и, кстати сказать, «русы» любого раннего источника – всегда смесь и скандинавов и славян, и попытка их последовательного разграничения – в общем-то безнадежна. О динамике археологических культур на евразийской территории я говорить не решаюсь, хотя, кажется, распространение с юга на север здесь превалировало. Сегодня северный компонент русской идентичности – это еще в недавнем прошлом бывшие «первобытными» национальные меньшинства, богатые, но трудные для добывания ресурсы, да еще, пожалуй, некоторая ходульная романтика туманов и запахов тайги. Прямо скажем, не так уж много, хотя сегодня только за счет северной нефти и газа все мы вообще еще скорее как-то живы.

Что касается прошедших эпох, то на всем пространстве Северной Евразии, от 40 до 140 меридиана восточной долготы, имелось несколько меридиональных смычек. По обоим стокам Уральского хребта смычка угорской пушнины и иранской торевтики и всего, что за ними стояло, когда еще никакими славянами на этих просторах и не пахло. Восточнее и позже, т.е. в Западной Сибири около 1000 лет назад, это смычка среднеазиатских оазисных доисламских и исламских идей и идеологий с таежными шаманскими идеологиями Приобья. Еще восточнее и еще позже (XII-XVIII вв.) это было наслоение мистического северного буддизма на духовно близкие анимистические воззрения народов Центральной Азии и Восточной Сибири. И, наконец, на российском Дальнем Востоке вплоть до Арктиче-

ского океана издревле, так или иначе, проявлялось воздействие мощнейших цивилизаций китайско-японского круга. Таким образом, в Евразии Хартлэнда выделяется не одна, а, как минимум, четыре, если не более, оси Север-Юг.

В глобальном плане, однако, важнее ось Восток-Запад или, скорее, две такие оси. Одна – это степной путь колес, колесниц, телег и копыт быстрых скакунов кочевников, другая – путь неторопливой поступи верблюжьих караванов Великого шелкового пути, которая проходила существенно южнее вдоль пустынных оазисов Центральной Азии. Пожалуй, именно вдоль этой оси и проходила не столько разделяющая, сколько связующая грань Хартлэнда и Римлэнда Евразии, т.е. та самая южная евразийская граница, которая еще недавно почти совпала с границей Российской империи, а сейчас далеко от нее отодвинулась. Передача культурных и материальных ресурсов вдоль этой грани всегда базировалась на богатствах Римлэнда. На них же зарилась и разрастающаяся Российская империя. И этот вектор евразийской геополитики достиг своего апогея в «Большой игре» русской и британской дипломатии, тенденциозно, но метко высвеченной Р. Киплингом в романе «Ким», эпигонски повторившейся в арабско-африканских авантюрах постсталинских режимов и завершившихся крикливым аккордом ернического реквиема в «Броске на юг» В.В. Жириновского. Сегодня об этом векторе всерьез говорить уже не приходится.

Тем не менее, массовая иммиграция из новых кавказских и среднеазиатских государств, по-видимому, при всех своих сложностях, дает основания для оптимистического взгляда на интеграцию в российском пространстве. И эти страны и народы гораздо менее чужды России, чем арабы и турки, Алжир и Турция для Европейского Союза.

Представим себе, что по метеоусловиям Москвы самолет, следующий рейсом Омск-Москва, на день посадили в Нижнем Новгороде. Среди пассажиров самолета: русский – бухгалтер, украинец – таксист, еврейка – стоматолог, лачка – рентгенолог, грузинка – пианистка, армянин – сапожник, азербайджанец – торговец фруктами, таджик – строитель, казах – нефтяник, татарин – сантехник, селькуп – рыбак, бурятка – журналистка, меннонит – ветеринар, монгол – дипломат, чувашка – сельская учительница. Не все они одинаково хорошо владеют русским языком, но, даже в худшем случае, более или менее могут объясняться. При всех различиях в этническом, религиозном, профессиональном, социальном плане все же общего у них, как мне кажется, больше, чем этих различий. Они легко и естественно соорганизуются в группу товарищей по несчастью, создадут себе какой-то бытовой уголок в переполненном аэропорту и согласованными усилиями начнут «качать права». Сложностей для взаимопонимания и взаимодействия у них будет очень немного.

Теперь представим, что аналогичную посадку совершил в Абу-Даби рейс Франкфурт – Сингапур. Все пассажиры – бизнесмены средней руки, все более или менее сносно объясняются по-английски. Среди них голландец, баск, алжирец, турок, венгр, румын, грек-киприот, израильтянин, перс, парс, сикх, китаец-хакка из Малайзии, пекинский китаец, малаец, филиппинец, кореец и японец. Думаю, что не ошибусь, если предположу, что коэффициент спонтанной групповой когезии (тенденции сплочения индивидов в более или менее спаянную группу) у них будет значительно ниже, чем в первом случае. На этом примере можно видеть, что, по видимому, историко-культурные кон-

фигурации субконтинентов Римлэнда мало зависят друг от друга и общей или групповой целостности не составляют, тогда как обитатели евразийского Хартлэнда, при всех своих различиях, все же обладают вполне очевидными общими ценностно-коммуникативными моделями общения. При этом ясно, что эти модели общения, которые все еще находятся в процессе формирования, связаны в конечном счете с одним основным фактором: образованием в пригодной для крестьянского хозяйствования зоне Евразии сплошного пояса русских поселений – от Пскова до Охотска. Начало формирования этого пояса – вещь гораздо более поздняя, чем формирование России как «страны русского народа», относится к середине XVII в. и приобрело особую интенсивность уже только в XIX-XX вв. До появления этого фактора никакой «Евразия» ни на самой четкой карте, ни в самой светлой голове не существовало и не могло существовать. «Евразия» в современном, обыденном геополитическом смысле – это детище русского народа.

Что касается конфессионально-идеологического компонента евразийского бытия, то это, конечно, русское православие как основное бытийное мировоззрение русского крестьянства. Другое дело, что практически везде, даже на крайнем западе пояса русских поселений, это православие сосуществовало с народным исламом татар, башкир, казахов, с буддизмом бурят и калмыков, с «язычеством» (анимизмом, шаманизмом и т.д.) марийцев, ненцев, хантов, эвенков и других народов, повсюду добрососедствующих с русскими. Народно-православные архетипы являются необходимой составляющей «коллективного бессознательного», присущего русскому народу, в том числе и для людей, считающих себя вооб-

ще неверующими, так же как исламские архетипы в подсознании татар и буддийские – в подсознании бурят. Рискую навлечь на себя гнев многих правозащитников, осмелюсь предположить, что русский кришнаит, равно как армянский иеговист, татарский мунист и якутский мормон – это во многом же не русский, армянин, татарин и т.д., а член некой новой деэтнизированной замкнутой религиозной общности. Следует только помнить, что народное русское православие – это вовсе не православие графа С.С. Уварова и оберпрокурора К.П. Победоносцева. Это «народное», терпимое и широкое домашнее православие, вполне способное принять и обывательский гедонизм семьи сельского батюшки и его домовитой попадьи, и гадательно-целительские языческие реликты в практике ворчливой бабушки знахарки, и домашние праздники и обряды миллионов простых русских баб и мужиков, которые, как небо от земли, были далеки от любой религиозной исключительности, от анафематствования в адрес иноверия и инославия, от высокомерного пренебрежения ко всем уживавшимся рядом с ними «иноверцам» и «инородцам».

Эта традиционно доминирующая в народных межконфессиональных отношениях модель является, несомненно, ценнейшим социальным капиталом российского и шире – «евразийского» населенческого массива. Однако сегодня она находится под угрозой со стороны разных форм религиозного экстремизма и фундаментализма, об одних аспектах которого говорят очень много и даже слишком много, а о других почти или вообще не говорят.

Шаманского или языческого экстремизма вообще не существует. Шаманы-врачеватели, гимнопевцы и гадалки настаивают, как правило, на компли-

ментарности своих культов по отношению к «большим» религиям и не только не препятствуют, но и способствуют, и советуют всем обращаться к ним, не запускать, а хранить и обновлять свои отношения с указанными «большими» религиями.

Не существует и буддийского экстремизма, разве что за исключением небольшого числа лам, упорствующих в своей неприязни к шаманизму. Мы не будем говорить о наличии буддийских и индуистских экстремистских группировок, действующих исключительно в южно-азиатских странах.

Та форма буддизма, которая представлена в Калмыкии, Бурятии, Туве, всецело миролюбива и благонамеренна. И я полагаю, что давно пора обитателям высотки на Смоленской площади отойти от своих традиций раболепного угодничества перед недопустимо наглыми претензиями Пекина (кстати, отнюдь не сводящимися к тибетскому вопросу) и предоставить его святейшеству Далай-Ламе возможность постоянного и широкого общения со своей паствой как в трех указанных республиках, так и вообще в России.

Серьезную опасность могут представлять отдельные деятели и ячейки новых нетрадиционных религий, в том числе и достаточно респектабельных, типа иеговистов и сайентологов, не говоря уже об откровенно изуверских сектах типа сатанистов или Аум Синрикё. Опасность исламского фундаментализма нередко преувеличивается, но несомненно существует. Конечно, не каждый ваххабит – бандит, как и не каждый бандит – ваххабит. Более того, не каждый салафит – ваххабит, и тем более, не каждый ханбалит – салафит. Это тривиальная истина, но именно ее забвение властями привело к известной трагедии в Нальчике и другим ана-

логичным эксцессам. Кроме того, надо признать, что вероятностно корреляция или перерастание одной из упомянутых категорий в другую может быть реальной тенденцией.

Однако наибольшую опасность, с моей точки зрения, представляет поведение отдельных православных пастырей, которые проповедуют православный фундаментализм, нетерпимость к иноверию и инославию, огульное отрицание экуменизма, требования максималистского воцерковления, противопоставляют эволюционизму креационизм, берут на себя роль государственной религии и полиции нравов, громят «художественные» инсталляции (по правде сказать, действительно порой весьма дурного вкуса), пикетируют выступления артистов нетрадиционной сексуальной ориентации и, вообще, берутся за дела, подлинным духовным пастырям не свойственные. Если эти тенденции будут развиваться, общеевразийское бытовое конфессиональное согласие может смениться хаосом узко приходских распрей.

Хотя вполне возможны и другие сценарии, но все же многое указывает на существенную опасность именно такого, пессимального, развития ситуации. В этом случае из евразийского относительного, но все еще ощутимого народного содружества исчезнет его русско-православный стержень, и оно может рассыпаться. Конечно, речь не идет об исчезновении православия как такового, а лишь об утере его бытового, народного варианта. В этом случае большинство рядовых священников, потеряв душевную связь с приходом, станут просто платными ритуалистами, а высокие иерархи образуют политизированную корпорацию, претенциозную, но мало перспективную.

Однако, слава Богу, есть и указания

на возможность более оптимистичного сценария. И в частности, и ярче, чем где-либо еще, они находятся в Калмыкии.

Я уже упоминал не очень большой по объему, но, на мой взгляд, исключительно важный труд Н.Г. Очировой. Я думаю, что большинство нашей аудитории знакомы с ним, поэтому не буду его пересказывать. Важность этого труда в том, что в нем показано, как на территории Калмыкии, благодаря сложившемуся здесь благодатному общественному климату, благополучно сосуществуют и взаимодействуют разные этнические культуры и основные мировые конфессии – христианство, прежде всего в его православной форме, ислам и буддизм. И если в остальных регионах Юга России, и, шире, Юго-Западной Евразии, можно говорить о диалоге (или диалогах) народов и культур, то здесь скорее следует говорить о гармоническом и симфоническом их концерте. И вносимые именно буддизмом принципы миролюбия, ненасилия, неотмщения играют в нем важнейшую скрипку.

Я не буду здесь касаться перспектив международного и межэтнического взаимодействия по русско-казахской, русско-монгольской и русско-китайской границе, равно как и русско-корейских и русско-японских отношений, сосредоточусь на юго-западных, т.е. прежде всего, кавказских рубежах России. В плане духовного окормления ситуация здесь, помимо Калмыкии, довольно парадоксальна. Абхазия и Южная Осетия стали небольшими независимыми государствами. Их отношения с Грузией откровенно враждебны. В то же время все православные приходы тут находятся на канонической территории грузинского католикоса. Уже одно это ставит их в сложное положение и ослабляет их влияние на паству. С другой стороны, и среди абхазов, и среди осетин достаточ-

но зримо возрождаются традиционные языческие культы, никогда не уходившие здесь полностью из народной жизни. По-видимому, их роль в народной жизни будет все более возрастать, а с ними и осознание этими народами своей этнической особенности, хотя совсем не обязательно это должно быть связано с утратой позитивного отношения ко всему русскому и православному.

В Адыгее, КЧР, КБР исламский компонент и его роль будут возрастать, но определяющего значения не приобретут. Для глубокого туземно-русского противостояния здесь корней нет, но доля русского населения падает и будет продолжать снижаться. Исламистские эксцессы возможны, но только в случае проявлений очередного беспредела силовых органов, прежде всего, милиции. Последовательный курс на поддержание режима правового государства обеспечит неповторение таких эксцессов.

В Ингушетии, Чечне и Дагестане в обозримом будущем никакого правового государства ожидать не приходится. В Чечне не конституционный, но хотя бы автократический порядок сторонниками Р. Кадырова более-менее установлен, Ингушетия продолжает раздираться межфамильной и социальной враждой, в Дагестане идет ожесточенная борьба между тарикатистскими шейхами и их мюридами-силовиками, с одной стороны, и набирающими силу ваххабитами, с другой. Во всех этих трех республиках численность русских, некогда бывшая выше 25%, ныне стремительно стремится к нулевой. Исламский фактор зримо усиливается. Это не есть зло само по себе, но злом является заражение его миазмами ваххабизма и фундаментализма. Тем не менее, старый истэблишмент, состоящий в основном из бюрократов советской школы и ту-

земной интеллигенции той же школы, все еще сохраняет свое влияние, а вместе с ним сохраняется влияние и некоей не только общероссийской, но и евразийской идеи.

Русская власть на Кавказе нанесла туземному населению немало бед, но она же принесла ему и ряд благодеяний. Бесконечный перечень обид легче легкого можно найти в опусах бесчисленных националистических идеологов. Столь же обширный список благодеяний содержится в опусах официальной пропаганды, как советского, так отчасти и постсоветского времени. Если первый список многими принимается более или менее всерьез, то ко второму мало кто относится иначе как с усмешкой, а, между прочим, зря. Он слагается в одно большое благодеяние, состоящее в том, что жители Северного Кавказа, от адыгейцев до лезгин, в Российской империи и СССР стали не только евразийцами, но и в целом – европейцами, большими европейцами, чем черногорцы или албанцы, и, может быть, даже чем сами русские. И если пробьет час Единой Европы от Лиссабона до Уэллена, интеграция северокавказцев в нее пройдет без особого труда.

Что касается стран Южного Кавказа (или Закавказья), то и Грузия, и Армения уже были, вместе с Византией, частью Европы еще со времен императора Восточной Римской империи Константина. Византия пала и стала Турцией, а стало быть, уже не Европой. Но Грузия и Армения частью Европы остались. Тем более они укрепились в этом качестве, став частью Российской империи и СССР. Но в этом составе они были уже евразийской, т.е. руссоцентрической, частью Европы. Евразия – это Россия и тот концентрический мир, который концентрируется вокруг России на ее европейском конце. Своего наиболь-

шего протяжения этот мир достиг во времена т.н. социалистического лагеря, хотя, конечно, дальневосточные коммунистические режимы – Китай, Северная Корея, Вьетнам – в него никогда не входили. Так что Евразия все-таки всегда была именно Евразией, а отнюдь не Азиопой. Азиопой в известной мере была Золотая Орда, но это уже совсем другая история.

В моем представлении Евразия – это не самоцель и не самосущность, не продукт, не результат, и не субъект. Евразия – это сложный и длительный процесс, телеология и аксиология которого состоит в продвижении к уже упомянутому идеалу, точке «омега» глобальной цивилизации – Великой Европе от Лисабона до Уэллена, в которую Евразия в ее российском понимании полностью или в значительной степени волеется. Наличие народов Кавказа в их нынешнем виде – это ценнейший ресурс на пути подобного процесса. Так же, как сейчас перед ЕС и отдельными странами Европы стоит кардинальнейшая проблема взаимодействия и взаимопонимания со странами и народами Ближнего и Среднего Востока, так она еще более остро будет стоять перед единой Великой Европой. И здесь огромным плюсом для решения этих задач будет наличие народов и традиций Кавказа, которые и сами по себе являют нечто объединяющее и переходное между европейскостью и азиатскостью и к тому же обладают обширными и раз-

ветвленными диаспорами – армянской, грузинской, азербайджанской, черкесской, чеченской, абхазо-абазинской и другими. Для России жизненно важно не отталкивать от себя эти народы и диаспоры, а максимально притягивать их к себе, максимально способствовать их приобщенности, развивать и сохранять эту приобщенность Кавказа к России, к русскому языку, к русской и общеевропейской культуре.

Рядом с этими народами и диаспорами многонациональный, но гармонически интегрированный народ Калмыкии занимает особое место. Не Россия наложилась, политически и культурно, на калмыков – нет, это калмыки пришли в Россию. И сегодня мы можем видеть, что этот приход был счастьем, подарком судьбы для России. Нынешняя Калмыкия – великолепная платформа и база для проведения встреч, мероприятий, контактов, имеющих целью поддержание связей, влияния, авторитета России не только на юго-западном концентрическом крае Евразии, но и для гораздо более широких диалогов и полилогов между Востоком и Западом. Остап Бендер, увы, не имел реальных шансов превратить Старые Васюки в Нью-Москву, но геополитические и культурно-синтетические аспекты истории и местоположения Калмыкии реально позволяют ей существенно повысить свою роль в евразийском концерте народов, конфессий и культур.

1. Дугин А.Е. Евразия как новое геополитическое понятие постмодерна // *Eurasianness and National Identities in the Post-Soviet Era. The 1st International Conference of the НК Eurasia Research Project. June 18-19, 2009. Hanyang University, Seoul. 2009.*

2. Очирова Н.Г. Юг России: взаимодействие народов и культур // *Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Книга 1. Под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина, В.А. Тишкова. М.: Наука, 2006.*